

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 61
(2115)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья М. Делягина «Новый переход», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 2 июня 2022 года.

Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/novij_perehod

Вологда
июнь 2022

Новый переход

Семь законов общественной трансформации

Современному человечеству (и тем более нам, России, как его мыслящему и чувствующему авангарду) как минимум на протяжении жизни нынешнего поколения предстоит действовать в условиях небывало (как минимум с эпохи Возрождения) высокой неопределённости.

Новые технологии творят новое общество, пусть и с болезненным опозданием относительно ожиданий их адептов.

Информационная революция 1991 года (тогда в США, наиболее передовой в технологическом, а значит и в социальном отношении стране, расходы на приобретение информации и информационных технологий впервые в истории превысили затраты на приобретение производственных технологий и основных фондов) открыла новую эру. На костях нашей, советской, цивилизации, на вырванных из нас Западом технологических, людских и финансовых ресурсах человечество перешло из индустриального в информационный мир. Но уже в 2020-м под прикрытием коронакризиса и с его помощью произошёл второй не менее, а во многом и более значимый переход: в мир социальных платформ, то есть социальных сетей, ставших инструментом массового управления.

Оба перехода были беспрецедентно революционны, так как меняли характер и направленность массовой деятельности: с преобразования окружающего мира на изменение его восприятия (и, соответственно, сознания) с началом информационной эры и на выработку цифрового следа для тренировки искусственного интеллекта с началом эры социальных платформ.

До того на всём протяжении истории характер массовой деятельности не менялся: психофизиологически мы сформированы эволюцией как инструменты преобразования окружающего мира.

Конечно, с точки зрения мироздания, функции человека иные: мы – инструмент его самопознания и генерирования эмоций, но исполнение этих функций требует именно изменения окружающего мира, точнее, требовало – до 1991 года.

С того времени мы занимаемся не свойственным нам делом, так что рост извращений, и не только сексуальных, отчасти есть реакция на противоестественный характер нашей жизни в целом.

Есть чего пугаться, но удивляться нечему: это диктуется сменой определяющих общественное устройство технологий.

До начала информационной эры основой технологической базы человечества была индустрия, организованная в первую очередь на основе конвейера. Да, эту основу и в США, и в Японии, и в СССР трансформировали под работу бригад; да, развились не требующие конвейера индустрии, начиная с химии, но принцип оставался прежним: большие коллективы промышленных рабочих, пусть всё более интеллектуальные и гибкие.

В 1991 году этот мир рухнул вместе с его носителями – главными стали информационные технологии, тогда ещё примитивные. Сначала телевидение определяло, что человек думал и как себя вёл, затем главной коммуникативной средой стал Интернет, затем одна из его частей – соцсети.

А в 2020 году произошла новая революция: власти в ходе коронакризиса по всему миру потребовали от человека отказаться от разума, от критического мышления, даже от попытки оценить управляющие сигналы в их хаотичности и противоречивости, и в целом он подчинился, причём легко и часто с энтузиазмом.

По всему миру власть потребовала от людей поставить на себе непонятный эксперимент, демонстративно нарушающий все привычные нормы науки и медицины, и, за исключением считанных мест, это не встретило заметного сопротивления.

А раз люди массово и с охотой отказываются от главного завоевания эволюции, выделяющего их из животного мира, – от разума, возникает вопрос: в чём причина?

Ответ прост: в новой модели управления, основанной на новых технологиях и на новой среде обитания человека, созданной этими новыми технологиями.

Потеря целеполагания – потеря разума

Первобытный человек жил в природе, создание технологий переместило нас во вторую природу – техносферу. Это наша вторая среда обитания, почти всё, что мы видим вокруг. Но соцсети стали нашей третьей средой жизни: что бы мы ни делали, наши действия, если они достаточно эффективны и, соответственно, подкреплены современными технологиями цифровизации, отражаются в них.

Естественно, они используются для управления нами: всё, что человек видит, он использует для власти.

Став инструментом постоянного управления большими массами людей, соцсети стали социальными платформами – это нынешний этап их развития. Это управление без принуждения: формально человек принимает

решения свободно – им управляют не организации, а информация и эмоции, которые он получает в соцсетях. И он без видимого внешнего давления принимает решения, которые от него требуются.

Это новое управление, качественно более эффективное, потому что человек чувствует себя полностью свободным творцом собственной жизни. Эффективность этого управления, его специфика, проявилась именно в 2020 году, когда люди массово да ещё и с гордостью отказывались от своего разума.

Именно поэтому 2020 год стал рубежом: мы создали новый тип общества – общество социальных платформ, или, если угодно, «цифровых экосистем». Их объективная задача – сбор наших цифровых следов для обучения искусственного интеллекта как главного фактора конкурентоспособности.

До 1991 года ключевой для организации общества технологией был конвейер, до 2020-го – телевидение, открытый Интернет и соцсети, а теперь – социальные платформы.

Основным предметом труда был окружающий мир, в 1991–2020 годах – сознание человека, а теперь – вероятно, искусственный интеллект.

Если с точки зрения нашей психофизиологической приспособленности к изменению окружающего мира переориентация нашего сознания означала переход к противоестественному образу жизни, то жизнь в социальных сетях, с её эмоциями, сконструированными маркетинговыми алгоритмами для удержания нашего внимания, просто разрушает природу человека. Или как минимум глубоко её преобразует без гарантий сохранения.

Здесь возникла экзистенциальная проблема: для удержания нашего внимания соцплатформы создают нам максимально комфортную среду. Причём, поскольку она создана специально «под нас», она намного удобней и приятней обычной среды. Не надо упрощений – в ней свои конфликты, но сами эти конфликты максимально комфортны для нас: мы видим не только тех, с кем нам приятно дружить, но и тех, кого нам приятно ненавидеть.

А комфорт исключает развитие, которое как раз и вызывается дискомфортом, а также стремлением этот дискомфорт преодолеть. Отсюда массовые психические расстройства, поскольку человек не может жить без цели, так же как не может жить без электромагнитного поля Земли, а в повседневности цель задаётся именно дискомфортом. Но главное – отсутствие стимула к развитию грозит гибелью уже самому человеческому роду. Что, собственно, мы и видели в ходе коронакризиса: если нет дискомфорта, то невозможна постановка устойчивой, значимой цели, а значит не нужен и разум (его самое ёмкое определение – «способность к целеполаганию»), и от него легко отказаться – просто ради экономии энергии.

Однако человек потерял функцию целеполагания ещё и потому, что нынешняя объективная, технологически обусловленная цель человечества – выкармливание своим «цифровым следом» искусственного интеллекта – впервые оказалась вне человечества.

Если материальные блага до информационной эпохи как основной продукт деятельности человека создавались для прибыли, которую люди, в принципе, массово могли получить, а состояние сознания формировалось для власти, к которой люди теоретически могли быть причастны, то сейчас мы производим «цифровые следы» для обучения искусственного интеллекта, который нам принципиально чужд и нами даже непосредственно не ощущаем.

Конечно, он необходим как главный фактор конкурентоспособности и независимости (при индустрии критерий суверенитета – ВПК, в информационную эпоху – эмиссия своей валюты по потребностям экономики, а сейчас – свой искусственный интеллект, обучающийся на своих соцплатформах), но находится вне нас и, более того, носит принципиально внечеловеческий характер. Это порождает массовое ощущение сиротства, усиливает отчуждение от собственной деятельности и жизни.

При этом основная форма обмена – эмоции из соцсетей за наше внимание – не предусматривает изменения окружающего мира, то есть вещественного результата. А ведь не только доинформационный обмен труда на материальные блага, но и информационный обмен труда на определённое состояние сознания, эмоции и поведение такой наглядный результат своих усилий предусматривали. Теперь же человеческие усилия, приносящие результат, в данном качестве просто выпали из воспринимаемой большинством людей картины повседневности.

Угроза вымирания человечества реальна

В результате пусть и монополизированный, но всё же рынок постепенно, но неуклонно заметно сменяется распределительной экономикой. Распределение сухих пайков в карантинном Китае и пособий в карантинной Европе стало первой ласточкой «новой нормальности», в которой, как убеждают проповедники «инклюзивного капитализма», у большинства людей не должно быть ни значимого имущества, ни значимых прав. Для тех, кому повезёт, будет распределение минимального набора дешёвых суррогатов.

Уже сейчас ключевой тип личности – не индустриальный член профсоюза и даже не спекулянт информационной эпохи, а фрилансер – человек, перебивающийся случайными заработками и уже не способный на организацию системного заработка. Это, по сути, люмпен.

Понятно, что такой тип заработка формирует и строго определённый тип восприятия мира, и себя в этом мире.

Если у заводского рабочего в силу повседневного характера его деятельности формируется коллективистский тип сознания, у финансового спекулянта и его жертв – индивидуалистический, то у личности, являющейся просто ячейкой социальных платформ, формируется частичный тип сознания. Клиповое мышление сменяется кликовым, мысли становятся «коротенькими-коротенькими». Короче и глупее, чем у Буратино, – в касание клавиши.

Изменение сознания маскирует движущий конфликт нового общества. Это не конфликт капитала и наёмного труда, как в капитализме, не конфликт глобального финансового спекулятивного капитала и национального капитала реального сектора, как в информационную эпоху, – это конфликт владельцев социальных платформ и их обитателей. Каким бы полным ни был искусственный комфорт, он периодически будет «жать», и коррекция личности окажется слишком резкой.

Со временем движущим конфликтом истории может стать конфликт искусственно созданной в маркетинговых целях картины мира с реальностью – вроде того, который мы сейчас можем наблюдать у хипстеров, выломившихся в ходе агрессивной самореализации из тех социальных ячеек, в которых они вызрели.

Ведь ослабление разумности даром не проходит, как и примитивизация структуры общества. В поздней индустрии (уже эпохи НТР) основными классами были буржуазия, специалисты и пролетариат; в информационную эпоху – организаторы финансовых спекуляций и их жертвы, но даже последние в принципе могли защищаться от господствующего класса. В эпоху искусственного интеллекта и капитала социальных платформ подавляющее большинство общества составляют полностью беспомощные и потому бесправные люмпены с отключённым социальным самосознанием (прекариат); господствующий класс, хозяева социальных платформ, – ничтожен количественно, а необходимые специалисты – салиариат – также крайне немногочисленны.

Для сохранения необходимых даже для простого существования общества знаний, не говоря уже об их развитии, может не хватить людей, и тогда знания будут потеряны, причём вместе с технологиями жизнеобеспечения. Понятно, что это вызовет массовое вымирание населения, лишённого способности к адаптации.

Ведь и индустриальная, и информационная эпохи тренировали личные способности человека: первая – вынужденным сопротивлением административному управлению, вторая – направлением поощряемой инициативы на решение нужных управляющей системе задач. Теперь же человек принимает решения, детерминированные жёстко контролируемой информацией; он не имеет навыков сопротивления и инициативы, его самостоятельность фиктивна, причём он даже не в силах это осознать. В результате, несмотря на фантастический уровень самооценки, такой человек менее жизнеспособен и более «частичен», чем даже работник конвейера, всю жизнь приворачивающий одну гайку: тот ещё может освоить что-то новое, а нынешний люмпен не способен даже осознать потребность в этом (ведь он – «венец творения»!), и сам факт приспособления к обстоятельствам может стать для него морально-психологической катастрофой, так как разрушит его держащуюся на самолюбии картину мира.

В результате, если в индустриальную эпоху доминирующим стилем поведения было (даже в рамках коллектива и коллективного типа сознания) индивидуальное логическое, а в информационную эпоху стайное логическое (то есть человек действовал под влиянием эмоций, сбивающих людей в стаи, но был ещё способен посмотреть на себя со стороны и принять логически обусловленное решение), то сейчас мы идём к стайному эмоциональному поведению как новой доминанте. Разум отключается, люди подчиняются коллективным эмоциям, генерируемым индивидуальными гаджетами.

Резюмируя, нынешняя революция неизмеримо глубже предыдущих, так как заканчивается не просто прежний способ организации людей – выработана сама цель их существования, прибыль. А вместе с ней уходят и средства её достижения: капитализм и в целом рыночная экономика.

Условия выживания

Таким образом, новые технологии трансформируют наше общество с невероятной быстротой и калейдоскопическим разнообразием: на протяжении жизни одного поколения произошли уже две кардинальные смены технологического базиса! Между тем, практически все используемые нами нормы, правила и навыки выработаны для старой реальности и как минимум нуждаются в тщательнейшей проверке и уточнении (а как максимум – могут смертельно навредить).

Категорические условия выживания человечества (а значит и русской цивилизации, ибо без нашего уникального сочетания гуманизма, способности к абстрактному мышлению и мессианства человечество выродится за поколение) в современных условиях:

- выработка русской цивилизацией (больше некому) стратегического комплексного мышления;
- выявление новых взаимосвязей общественного развития и, что исключительно важно, преодоление старых структур знания (относящихся не только к индустриальной эпохе, но и к информационной эпохе 1991–2020 годов, ушедшей так же, как и индустриальная, но по иронии истории ещё воспринимаемой «вечно вчерашними» провозвестниками случайных банальностей как манящее откровение будущего).

Наиболее универсальна марксистско-ленинская диалектика (разумеется, в виде не иссохшей схоластики и начётничества, а исторического материализма, изучающего закономерности созидания обществом правил собственной деятельности). Применение ею к общественной жизни трёх законов Гегеля: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания, – такой же фундамент социального прогнозирования и планирования, каким для физики являются три закона Ньютона.

Но эти законы сами по себе слишком общи и являются инструментами осмысления реальности, в то время как непосредственная задача заключается в преобразовании первой. Поэтому практическое значение имеют их прикладные проявления. Для специалистов многие из них являются самоочевидными, но за пределами их узкого круга всё ещё известны недопустимо плохо, что часто оборачивается ненужными жертвами.

Как избежать «жареных петухов» и «чёрных лебедей»

Прежде всего надо назвать закон сохранения рисков: при минимизации рисков отдельных элементов системы общие риски не исчезают (вопреки надеждам участников событий, грезящих о Золотом веке), а возгоняются на общесистемный уровень и могут разрушить систему. Это один из механизмов перехода количественных изменений в качественные, но объективное стремление минимизировать свои риски (то есть риски отдельных элементов любой системы) придаёт ему самостоятельное значение.

А.И. Фурсов выделил следующие четыре важных закона общественного управления, реализуемых на всех социальных уровнях от небольшой группы до целой цивилизации.

Закон Винера – Шеннона – Эшби постулирует, что управляющая система должна постоянно превосходить управляемую по мощности и по сложности. Превосходить управляемых по мощности надо, чтобы иметь возможность управлять (иначе на начальство не обратят внимания), а по сложности – чтобы иметь возможность осознавать объект управления и, соответственно, управлять осмысленно.

Закон Анохина – Бира предусматривает, что условием эффективности управляющей системы является опережающее прогнозирование изменений не только управляемой системы, но и внешней среды.

Закон Седова – Назаретяна устанавливает, что в сложной иерархической системе необходимое относительное разнообразие на верхнем уровне может обеспечиваться за счёт принудительного ограничения разнообразия на нижних уровнях, то есть негэнтропия на верхнем уровне может обеспечиваться «энтропизацией» (хаотизацией, упрощением) нижних уровней. Такое упрощение для управляющей системы является наиболее простым, очевидным, комфортным и малозатратным методом поддержания своего доминирующего положения.

На примере позднего СССР действие этого закона ярко описано С.Е. Кургиняном; сейчас он проявляется во всеобъемлющей примитивизации глобальным управляющим классом всех наблюдаемых уровней общественной жизни по всему миру. Следствие этого закона – один из механизмов «созидательного разрушения» Шумпетера: столкнувшись с неопределённостью, чрезмерно высокой для своих познавательных способностей (как правило, это случается «на переломах истории»), управляющая система сталкивается с почти неодолимым соблазном примитивизировать управляемое общество, драматически снижая этим его конкурентоспособность (а значит и свою жизнеспособность) и повышая вероятность развала (хотя вовсе не обязательно с последующим «созиданием» через разрушение).

Четвёртый прикладной закон общественного развития, о котором неустанно напоминает А.И. Фурсов, – закон Мура: «Революции (в значении нового общественного устройства, а не социального катаклизма, ломающего отжившее. – М.Д.) рождаются не столько из победного крика восходящих классов, сколько из предсмертного рёва тех слоёв, над которыми вот-вот сомкнётся волна прогресса».

Страх смерти (и социальной, и физической), пробуждая инстинкт самосохранения, является могучим инструментом общественного творчества именно тех социальных структур, которые в силу своего положения в отживающей системе обладают необходимыми для такого творчества ресурсами.

Закон Мура является частным случаем диалектического закона отрицания отрицания: в практике общественного развития будущее рождает, создают и оформляют не его восторженные романтические адепты, а убиваемые этим будущим влиятельные социально-политические группы, причём перерождаясь в него.

Это парадоксальный и суровый урок, частное проявление которого мы наблюдаем в умирающем финансовом спекулятивном капитале, наиболее передовая часть которого уже создала капитал социальных платформ и энергично трансформируется в него.

В результате прошлое (капитал реального сектора) становится верным союзником будущего (капитала социальных платформ, так как оба они заинтересованы в стабильности, а значит и в укрупнении обществ) через голову и в прямой борьбе против настоящего (финансового спекулятивного капитала, заинтересованного в противоположном – максимальной волатильности и раздроблении обществ).

Важным следствием закона Мура, которое фатально игнорируется (по понятным психологическим причинам) большинством революционеров, является то, что будущее сражается с отживающим общественным устройством и реализуется в этом конфликте не своими собственными, а старыми же силами и интересами. С одной стороны, оно ещё попросту не успело развить собственные структуры и даже осознать само себя, а с другой (и это главное) – будущее создается не «с неба упавшими провозвестниками», а именно самими старыми элитами (точнее, их наиболее адаптивными элементами), пусть даже и в процессе их агонии.

Классический пример тому – Первая мировая война: финансовые спекулянты, в лице американской ФРС, овладевшие глобально значимым государством, сражались за уничтожение империй как таковых и максимальное раздробление мира руками прежде всего самих империй, да так малозаметно, что даже гениальный современник этой войны Ленин увидел в ней не более чем самоубийственную борьбу отживших своё империй «за передел рынков».

Исключительно важен для понимания глобальной конкуренции закон Смирнова, по которому стабильность сложных конкурирующих систем требует их устойчивого структурированного взаимопроникновения при помощи специальных коммуникаторов, которые впускают чужеродный элемент в свою систему для взаимодействия с его системой и проникают своим элементом в чужую систему для взаимодействия с ней.

Устойчивость таких коммуникаторов, в том числе институциональная (позволяющая обеспечивать преемственность поколений и реализовывать стратегические принципы, несмотря на смену их разработчиков и исполнителей), – категорическое условие устойчивости макросистемы, объединяющей конкурирующие системы (в периоды биполярного мира это были СССР и США, сейчас – КНР и США).

Важное следствие закона Смирнова: конкуренция между системами идёт прежде всего за перевербовку коммуникаторов, чтобы чужие коммуникаторы стали вашими по своей системе ценностей. Борьба за такую «смену идентичности» – ядро любой конкуренции общественных систем и залог победы в этой конкуренции, с разрушением враждебной системы и с неконтролируемым переходом всей ситуации в новое состояние (часто – крайне дискомфортное и для счастливого лишь некоторое время победителя, как это случилось по завершении холодной войны и распада СССР).

Поскольку в биполярной конкуренции такая победа одной из сторон в принципе неизбежна, второе следствие закона Смирнова – объективная неустойчивость биполярных макросистем и необходимость для достижения динамической устойчивости самостоятельного третьего элемента (понятно, что это открывает России дополнительные, хотя и преходящие стратегические перспективы, которые важно не упустить).

Наконец, седьмым и важнейшим прикладным законом общественного развития является то, что главный фактор глобальной конкуренции – это длительная, превышающая жизнь поколения, воля управляющей системы к победе.

Главное содержание этой конкуренции, являющейся сегодня конкуренцией глобальных проектов, – конкуренция «длинных волей» и, соответственно, (внутри) общественных организмов, способных постоянно вырабатывать, поддерживать и своевременно модифицировать волю к борьбе.

Именно в создании, совершенствовании и обеспечении самостоятельности (включая саморазвитие) таких организмов видится сейчас главная задача социальной инженерии – ключевой прикладной общественной науки, находящейся, несмотря на свои успехи, как и в целом всё обществознание нового мира, в зачаточном состоянии.

Михаил Делягин